

РАЯН ФАРУКШИН

ОТРАБОТАННЫЙ МАТЕРИАЛ

ТЕНЬ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА

Раян Фарукшин

**Отработанный материал.
Тень защитников Отечества**

«Издательские решения»

Фарукшин Р.

Отработанный материал. Тень защитников Отечества /
Р. Фарукшин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518558-7

Обратная сторона медали. Тень защитников Отечества. В сборнике «Отработанный материал» автор рассказывает о буднях молодых ветеранов современных войн. Об их стремлении к сохранению памяти о павших товарищах; об их борьбе с равнодушием и лицемерием местных чиновников; о пресловутом посттравматическом синдроме; о желании жить и быть полезным Родине и после войны. О том, как парни отказываются быть теми, кого в нашем «добропорядочном обществе» презрительно называют отработанным материалом. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-518558-7

© Фарукшин Р.
© Издательские решения

Содержание

КТО СКАЗАЛ, ЧТО МУЖЧИНЫ НЕ ПЛАЧУТ?	6
ЧЕЧЕНСКАЯ ЧЕЧЁТКА	17
НАС БОЛЬШЕ НЕТ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Отработанный материал Тень защитников Отечества

Раян Фарукшин

© Раян Фарукшин, 2020

ISBN 978-5-0051-8558-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КТО СКАЗАЛ, ЧТО МУЖЧИНЫ НЕ ПЛАЧУТ?

Бой был коротким. Всего лишь сорок лет. Две жизни по двадцать...

Андрюха лежал под кормой командирской БМП. Покрытый тонким слоем рыжей пыли и скованный внезапным испугом. Зарывшись носом в песок, он не чувствовал, как капли клейкого, холодного пота усеивают его шею и лоб.

– Жив? Ты жив? – спросил густой и зычный голос, с гулким эхом, как у священника в деревенской церкви, в которой Андрюха бывал в детстве. Однажды, с бабушкой.

Остолбнев под напором событий и давлением всемогущего страха, Андрюха потерял способность мыслить и желание действовать. Боясь ответить, он только сильнее сжал челюсти. Зубы повело от боли, скулы свело судорогой.

Кто-то искусно выругался и жёстко сцапал Андрюху за ступни. Приподняв их, бесцеремонно выволок парня из-под бронемшины. Крепко схватив за плечо, перевернул лицом вверх и легко поддал по щекам.

Солоноватый вкус на разбитых губах, сотни хрустящих песчинок под языком, дрожь в локтях и под коленями, неприятно влажные ладони – верные признаки того, что организм живёт и функционирует.

– Жив, – выдавил Андрюха, непроизвольно сглатывая смесь пота, песка и крови, накопившейся во рту.

– Поздравляю, чё, ты – красавчик, – саркастически выделив слово «красавчик», откликнулся голос.

Откашлявшись, Андрюха открыл глаза и тут же, «получив по шарам» ярким солнцем, зажмурился:

– Где мой автомат?

– Держи, – кто-то всунул оружие в руки. – И не теряй больше, вояка!

Дрожь прошла. Андрюха привстал на локтях. Слишком резко. Боль молотком ударила в темень и вернула сознание во мглу.

*

Лето в самом разгаре. Полдень. Нетипичная для нашего региона жара. В моём небольшом кабинете ужасно душно. Работать совсем не хочется. Особенно после кружки тёплого чая и парочки пирожков с картошкой.

Футболка липнет к спине. Стопы преют в кроссовках. Меня клонит ко сну. Нужно подвигаться и пробудиться. Фотография-заставка на экране монитора компьютера манит студёной прохладой горного уральского озера. Сейчас бы освежиться, искупаться, нырнуть в ту изумрудно-прохладную воду! Бр-р-р!

В спорткомплексе никого. Только я и вахтёр-охранник. Я – в кабинете на втором этаже, вахтёр – на улице, сидит на аккуратно подстриженной травке под невысокой и восхитительно благоухающей голубой елью. Вахтёр покинула своё место в просторном прохладном фойе спорткомплекса и вышла «на обход территории».

Оставив маркер вместо закладки, захлопываю амбарную книгу с грозной надписью «Журнал по технике безопасности». Встаю из-за стола. Подняв руки над головой, потягиваясь, зеваю. Замётано: отдохну минут пятнадцать. Надоело читать неинтересные, похожие одна на другую, нудные инструкции. Подхожу к окну. Закрыв форточку, открываю окно настежь. Слабый поток воздуха, вползая в кабинет, не внушает оптимизма. Сквозняк слабоват.

Выглядываю в окно. «Священное» место под елью пусто. Вахтёр, симпатичная тридцатилетняя женщина с красивым именем Розалия, исчезла. Возможно, её выкрали похитители

невест. Шутка. Вероятно, Розалия действительно решила следовать графику, установленному приказом её руководства, и обойти вверенную территорию.

Слышу грохот входной двери спорткомплекса и топот беспокойных ног по лестнице.

– Раян! Раян, – Розалия коршуном влетает в кабинет и, едва не врезавшись в меня, успевает остановиться, ухватившись кончиками пальцев за край письменного стола. – Раян!

Лицо Розалии белое, напряжённое. Её карие глаза сияют нездоровым огнём, тонкие чёрные брови налезают на лоб, уголки напмаженных губ опущены, вздрагивают.

– Раян!

Обращаю внимание на её трясущиеся, раскрытые ко мне ладони, вздувшиеся на шее вены, сбитое скоростным движением дыхание. Жестом показываю: отдышись, не гони.

– Что? Ты что? Что-то случилось?

– ЧП! – чуть не плачет вахтёр, дёргая головой. Её длинные каштановые волосы взъерошены на загривке. – Мальчик в бассейне! Он...

Я уже мчал вниз по лестнице и не слышал последних слов Розалии.

Двести метров по пересечённой местности – от здания спорткомплекса до открытого плавательного бассейна, расположенного в парковой зоне за стадионом, отняли у меня секунд сорок.

Пока бежал, внимательно смотрел по сторонам, но ничего необычного не замечал. Всё как всегда в летний зной. Десятка два мальчишек и девчонок среднего школьного возраста барахтались в самом глубоком месте бассейна – под вышкой для ныряльщиков; четыре женщины среднего возраста сидели с лимонадом и бутербродами на восточном берегу под грибком песочницы и следили за своими чадами – дошкольниками, плескавшимися в мелком «лягушатнике» у бордюра. Обыденно.

Хм, три взрослых мужика сбились в кучу на противоположном берегу. Интуитивно я повернул в их сторону.

Боже мой! Один из мужчин, мой хороший знакомый, активист ветеранского движения района, известный всем как Андрюха-десант, делал искусственное дыхание неподвижно распластанному на траве мальчишке.

Юнец, лет девяти-десяти, сжатый в мышцах, быстро синел. Андрюха умело надавил своими широченными ладонями мальчику на грудь. Раз-два, раз-два. Холодное тело ребёнка слегка задрожало, выплёскивая изо рта и носа серо-розовую пену. Андрюха запрокинул мальчишке голову, приподнял подбородок. Зажав пальцами его нос, плавно выдохнул в рот. Грудь мальчика приподнялась. Рефлексы и признаки жизни отсутствовали.

– Скорую помощь вызвали? – я потрянул за плечо оголённого по пояс незнакомого темноволосого мужчину, буквой «Г» склонившемуся над Андрюхой. Тот окинул меня хмельным взглядом, но ничего не ответил. Икнув, он отвернулся.

– Ну? Вызвали?

– Не, вроде нет, – повернул голову в мою сторону третий мужик. Поддатый, в шортах и майке, огненно-рыжий, с армейской татуировкой «ЗКВО» на левом предплечье.

– Вроде?

– Не, не вызывали, – дыхнув смрадом спиртового перегара, рыжий выпрямился. Поросший сухой трёхдневной щетиной, он провёл по ней ладонью и неожиданно перекрестился. – Вот те крест, брат, не вызывали. Ты, может, вызовешь?

– Вызову!

Я устремился назад в спорткомплекс, к телефону на проходной.

Одолев метров пятьдесят и перемахнув через трубу ограждения беговой дорожки стадиона, я заметил спешащую в сторону бассейна Розалию. Она перелезала через трубу правее.

– Розалия, я здесь, – остановившись, я помахал вахтёру рукой.

Она заметила меня, встала, вопросительно наклонив влево голову:

– Чего?

– Ты в скорую помощь позвонила?

– Да, шла вам сообщить! Я дозвонилась! Едут они, ждите там, у воды! А я – на свой пост, к телефону!

Я развернулся и, мысленно поблагодарив вахтёра за сообразительность, рванул к бассейну. Навстречу мне суетливо ступала одна из женщин с восточного берега, она держала на руках своего трёхлетнего малыша и рыдала:

– Умер он... мальчуган... там...

Всё было кончено. Мальчик, раскинув ноги и руки, покойно лежал в центре замерших вокруг него угрюмых мужчин.

При виде тщедушного детского тела, такого маленького и беззащитного, внутри меня лопнула тонкая струна надежды в справедливость:

– Как же так? Мужики, как же так?

– Он не дышит! Пацан – не дышит! Раяныч, мальчишка не дышит! – Андрюха, скрестив руки за моей спиной, жёстко обнял меня.

Одинакового роста, мы, на миг, прижались грудь к груди, и я услышал и почувствовал биение его сердца, так громко и сильно оно билось!

Андрюха, не задерживая меня в своих крепких объятиях, резко отстранился, и на громком выдохе, медленно выпустил:

– Он не-е ды-ы-ши-ит!

– Ты, брат, это, не ругайся на нас. Мы сделали всё, что могли, – виновато посмотрел на меня тот самый, с наколкой. Мятый, сутулый, нескладный, он походил на драного подъездного кота. – Вишь, Андрюха старался, но не смог, но он же не Господь Бог!

Кто-то за моей спиной заплакал. Заплакал тихо, боясь привлечь внимание. Я посмотрел по сторонам, обернулся. Девочка. Худая мелкая девочка в коротком беленьком платице. Уткнув своё острое личико в мягкую игрушку – голубого слоника, она плакала.

– Это сестра. Сестра мальчика...

– Девочка, подожди, не плачь! Послушай меня! Слышишь?

Девочка испуганно вздрогнула, вся сжалась, но утвердительно качнула головой:

– Слышу...

– Вы далеко живёте?

– Далеко. Двадцать минут идти надо! Нам мама час дала, чтобы на бассейну сходить. Двадцать минут сюда идти, двадцать минут купаться, и домой!

– Значит, мама знает, что вы здесь? Понятно... Ты иди сейчас домой, скажи маме, что братику плохо, пусть мама ваша в больницу идёт, мы туда сейчас братика твоего увезём. Ты всё поняла?

– Да! – она потёрла влажные глаза лямкой платья. – Я поняла. Я уже взрослая. Я в школе учусь. Во второй класс пойду. Я очень ответственная.

– Молодец, ответственная. Ну, шагай, давай, – я вытер лицо девочки своим носовым платочком, чистым и свежим. Погладив её по голове, тихонько подтолкнул в спину, – не беги только, не упади!

Прижимая игрушку к груди, девочка, сминая молодую высокую траву и оббегая деревья, выделяла на ходу причудливые кренделя. Словно спасаясь от обстрела, она бежала домой, то пригибаясь, пронырявая под ветвями елей, то подсакивая, чтоб не зацепиться за кругляки широко раскинувшего колкие лапки репейника, обильно поросшего вдоль тропы от стадиона к бассейну.

– Ну что за жизнь, такая несуразная, а? – Андрюха, сорвав с себя мокрую белую футболку, опустился на колени. – Что за жизнь, кто мне объяснит? За что мне это? – отчаянно бодая лбом землю, он колотил локтями и кулаками себя по груди. – За что?

Послышалось завывание сирены машины скорой помощи. Бабахая ржавеющими боками, старая «Газель» тряслась на ухабах узкой грунтовой дороги парка.

– Сюда! К нам, – рыжий поднял руку и подпрыгнул, громко хрипя, – сюда!

– За что мне такое наказание, Господи? За что мне эта смерть? Ребёнка этого, мальчика невинного, за что ты мне послал? Что у тебя там, в твоих планах изменится? Что тебе даст эта глупая смерть ангела? Господи, что? Это ж ребёнок был, невинный, безгрешный, ангел! А ты его так... – колотя мозолистыми ладонями честного работяги по своим коленям и бугру земли между ног, рыдал Андрюха.

– Господь-то причём? – в сердцах махнул рукой черноволосый.

Андрюха молотил себя по лбу, шее, щекам:

– Сколько можно к себе детей забирать, Господи? Ты Афганом не насытился, да? Не успокоился? Сколько ты у меня там пацанов забрал, помнишь? Помнишь? А сейчас? Этого – за что? Как я жить должен, чтобы забыть вот это вот? Как я должен жить?

– Ты, солдат, хватит слёзы пускать, нечего тебе, как бабе. А Господь сам всё уразумевает, Бог он не дурак... – рыжий мужик поцеловал пальцы, перекрестился, закатив глаза, что-то быстро забормотав вполголоса.

– Ты, ты лучше, ты меня заberi, да оставь детей в покое! Слышишь, Господи? Я же с Афгана пятнадцать лет назад вышел! Пятнадцать! А ты всё преследуешь меня, – выл Андрюха, прильнув щекой к земле. – Слышишь, ты?

– Слезами горю не поможешь, – черноволосый знающе почесал подбородок. – И время – не лечит!

– Войны больше нет! Понятно, да? Давно её нет! Зачем вы её мне возвращаете? За что? Для чего? Сволочи, кто... назад... давай... назад в Афган...

Подъехала скорая. Из кабины лихо выскочила фельдшер – девушка в белом халате с квадратным серым чемоданчиком с потёртыми боками. Кинулась к мальчику. Поискала пульс сначала на шее, потом на запястье. Не нашла. Ругнулась негромко, открыла чемоданчик, достала что-то.

Я отвернулся.

Рыжий, закончив свои скомканые молитвы, помог Андрюхе подняться на ноги, похлопал его по спине, накиннул футболку.

– Искусственное дыхание делали? – нервно вздрогнула в нашу сторону фельдшер.

– Делали, – преданно заглянул ей в глаза черноволосый.

– Уверены, что правильно делали?

– Уверены... Я – «афганец»... то есть, я в Афганистане служил... Служил, делал... неоднократно... к сожалению...

Из кабины «Газели» вылез водитель. Пожилой узкоглазый татарин, за годы работы на машине скорой помощи повидавший всякое, он спокойно поглядел на мальчишку, дёрнул разболтанную ручку кузова, скрипнул раздолбанной дверцей:

– Мужики, шаво зыркаете? Доставайте носилки, айда!

Андрюха, блестя мокрыми от слёз глазами, но с чистым, проникнутым силой духа лицом, вновь опустился на колени. Он аккуратно приподнял мальчика над землей. Я выдернул из кузова носилки и протолкнул под мальчишку. Десантник уложил потемневшее тельце утопленника на зелёный брезент. Водитель и рыжий взялись за ручки, подняли и втиснули носилки в машину.

– Мы поедem с вами, женщина! Можно нам, да?

– Езжайте, – отрешённо ответила фельдшер. Она заняла своё место рядом с водителем.

– Едем, мы – едем, – Андрюха неуклюже втолкнул меня в салон, сам присел рядом, но тут же подался вперёд, протянул руку рыжему. Тот вскарабкался в уже тронувшуюся с места машину, пристроился на полу у носилок, громко, с четвёртой попытки захлопнул дверцу.

Третий невольный очевидец происшествия, черноволосый, самый нетрезвый из компании бывших сослуживцев, пошатывался у кромки бассейна. Он молча смотрел на воду, и на отъезжающую машину даже не взглянул.

– Ты, начальник, быстрее, давай, – вежливо и, одновременно, строго обращаясь к седовласому водителю, фельдшер быстро барабанила пальцами по лобовому стеклу неотложки, выдавая свою нервозность.

– Сейшча доедем, пять минут подажди, – с простецким татарским акцентом ответил водитель. – По парку не разгонишь-шься.

– Здесь явно что-то не так. Не пойму только, что. Расскажите мне, как всё произошло, парни, – женщина повернулась назад, к нам. – Только не врите!

– Я ничего не видел! Богом клянусь! – снова стал креститься рыжий.

– Мы сидели на берегу, пили, ну, это, водку. Не осуждай сразу, слушай, – извиняющимся тоном отозвался Андрюха. – Мы в учебке вместе служили. Оттуда я – в Афган, а парни в Союзе дослуживали, всех в разные места судьба кинула. Сегодня у нас день расставания, очередная годовщина. В этот день я ушёл на войну, за речку ушёл, в Афган, а парни остались в учебке. Ну, мы отмечали.

Фельдшер раздражённо фыркнула:

– Я поняла, что вы отмечали, это заметно!

– Не серчай, слушай, – союзнически продолжил Андрюха. – Мальчишка этот пришёл с сестрой. Он с разбега нырял, прыгал. Бывало, с бордюра бассейна. Или с берега. А девчонка с игрушкой смотрела на него, смеялась, кричала что-то...

– Говорите по сути, пожалуйста, – требовательно заявила фельдшер.

– Раз, вижу, пропал мальчик, не выныривает долго. Время идёт, а он всё над водой не появляется! Я забежал в воду по грудь, примерно туда, где он нырял, стал шарить руками по дну, – Андрюха вытянул перед собой руки и зашевелил пальцами, имитируя, что ощупывает дно бассейна. – Пусто. Нырнул сам, прям так, в одежде, подальше от берега. Снова пусто. Нырнул ещё, и ещё.

– И? – заёрзала фельдшер.

– Нашёл его там, вытащил. Делал ему дыхание. Не помогло. Что ещё сказать? Не знаю...

Мы подъехали к больнице. Действовали быстро и организованно. Отнесли мальчика в приёмный покой скорой помощи, переложили его с носилок на стол, вызвали дежурного врача, проводили карету скорой на новый вызов.

Врач выставил нас за дверь. Низкий щуплый азиат, он писклявым акцентом попросил нас покинуть помещение. Мы вышли на улицу. Сели на холодные ступени бетонной лестницы, стали ждать.

– Может, доктор его оживит? Веришь в его способности? – заглянул мне в глаза Андрюха, вопросительно двигая бровями.

– Может, оживит, – пожал я плечами, прекрасно понимая, что чуда не бывает. Но всё же, надежда умирает последней.

Последней, но умирает.

Подошла мать мальчика. Выглядела она скверно. Низенькая, плоская. Дешёвый тёмный халат, зелёный полупрозрачный платок. Лёгкие серые тапочки на босых ногах. Судя по возрасту сына, ей должно было быть не более тридцати пяти, но выглядела она на все пятьдесят с лишним. Оно и понятно – работает дояркой в колхозе, отсюда и внешний вид. Заходить в приёмный покой женщина не решилась, смиренно села рядом с Андрюхой на лестницу.

Скоро этой женщине предстоит самое страшное для любой матери испытание – хоронить своего ребёнка. Ребёнка, которого она вынашивала, рожала, растила. Отдавала ему самое лучшее, окружала заботой, лаской, теплом. Верила, что он вырастит крепким, умным, достойным их рода мужчиной. Окончит школу, отслужит в армии, женится, родит ей внуков, обеспечит

хорошую старость. Теперь этого не будет. Теперь она похоронит его на старом мусульманском кладбище на окраине посёлка. И всё. Всё?

– Ты его мама? Правда? – краснея, зачем-то спросил Андрюха, прекрасно понимая, кто она. – Извини. Прости. Недоглядели...

Женщина не шевелилась. Застыв каменным истуканом, она отсутствовала в нашем мире.

– Я ничего не сумел, растерялся, опешил. А Андрюха старался: нырнул, вытащил, откачивал, – чистосердечно признался рыжий.

На улицу вышел врач. Неслышно ступая мимо нас вниз по лестнице, он снял белоснежный колпак, опустил с лица марлевую повязку, стянул с пальцев перчатки.

Увидев врача, мы встали. В наших глазах теплилась надежда. Но медик потупил взгляд, развёл руками:

– Вы сделали всё, что могли, но... всё было бесполезно. Нырнув, мальчик ударился головой о бетонное дно бассейна и сломал позвоночник. Все попытки спасти его были тщетны. Он скончался сразу, под водой...

Мать мальчика заревела дурным голосом, закашляла, сорвала с головы платок и начала заталкивать его себе в рот. Врач схватил её за запястья, силой опустил её руки вдоль туловища, кинул нам через плечо:

– Вы, мужики, идите, незачем вам тут сидеть, идите своей дорогой. С женщиной мы поработаем, не волнуйтесь, мы ведь медработники.

Медик, поддерживая несчастную мать за талию, скрылся за пластиковой дверью приёмного покоя. Мы, мужики, дружно, как по команде, снова опустились на лестницу.

– Рай есть? – сглатывая непослушную слюну и сипло кашлянув, спросил Андрюха.

– Есть, Андрюх, надеюсь, что есть. И невинное дитя отправится именно туда...

Мой ответ вряд ли убедил Андрюху, вечного афганца-десанта, взрослого тридцатипятилетнего мужчину, главу семьи, отца двоих детей, в существованиирая. Скрестив руки на груди и уткнувшись носом в перекрестье широких запястий, он заплакал.

Кто сказал, что мужчины не плачут?

Плачут. Ещё как плачут!

*

Скоро – домой! Эта мысль грела Андрюху сильнее солнца, спирта и грелки – вместе взятых. Домой! К маме, пельменям, бане, девчонкам на дискотеке. Домой! Скоро домой!

Дом каждую ночь снился Андрюхе большим, светлым и наполненным приятными ароматами чудом. Чудом, в котором нет места оглушительным взрывам и багровой крови, бесконечному песку и неприступным скалам, вонючим портянкам и вьедливым вшам. Чудом – без тяжёлых мыслей в голове и разбитых ботинок на ногах. Чудом – без веса пулемёта на плечах и переполненного боеприпасами РД не спине. Чудом, где правят мир и любовь.

– Андрюх, говорят, что мы уйдём из Афгана одиннадцатого февраля. Уйдём в Термез, к узбекам. А ещё штабные говорят, что кое-кто вместе с замкомандира полка полетит в Кировбад, в Азербайджан. Слыхал?

– Ну, слышал. Много чего говорят. И про новую войну говорят, и про то, что дома, в Союзе, творится много непонятного, дурного, пакостного. Не знаю. Не верю я балаболам штабным. Они там нахватают слухов, а потом готовы болтать сутки напролёт, лишь бы на боевые не ехать, – отмахнулся Андрюха. – А вот моя мама пишет, что дома всё хорошо и спокойно. И маме я верю. Верю матери, потому что люблю её, и хочу к ней вернуться живым. А остальное – мне побоку.

– Везёт тебе, Андрюха. Тебе домой лететь. Думаешь, мне охота по этим азербайджанам-маджанам мотаться? Здесь они меня достали уже, – Витька поправил шапку на голове,

ткнул пальцем в звёздочку посередине. Смешно сморщив лоб, потёр его ладонью. Крякнул, прыгнул с брони на бетон, оправил китель, протянул вверх, товарищу, открытую для рукопожатия ладонь. – Как только вернётесь с рейда, вы сразу смываетесь через Пули-Хумри, через дороги Саланга в Союз. А мы ещё задержимся на пару деньков тут, в этом чёртовом Баграме.

– Красиво поёшь, соловей! Мы ещё на войну не уехали, а ты нас уже домой отправляешь! Сплюнь три раза!

– Да ладно, всё обойдётся! Не трясись понапрасну, солдат, – Витька излучал бодрость и оптимизм. – Знаешь, там, в суматохе отправки домой, мы можем и не встретиться, а попрощаться мне с тобой охота, так что, давай, братуха, пока, мерси боку!

– Пока! – Андрюха пожал Витьке руку, и, на секунду задержав взгляд на серьёзных серо-голубых глазах товарища, почувствовал его доброту и душевное тепло даже через сухую потрескавшуюся кожу пальцев.

Андрюхе вдруг захотелось сигануть к Витьке в объятия, обхватить его за плечи, потрясти и потискать приятеля, но он сдержал свой мимолётный порыв. Невозмутимо улыбаясь, Андрюха прикрикнул:

– И, слышь, ты! Боец, не позорь тут без меня наш славный парашютно-десантный полк! Понял?

– Понял! Не опозорю, обещаю!

*

Колонна встала на въезде в небольшой кишлак.

Люди – солдаты и офицеры – живыми и здоровыми возвращались с финального своего боевого выхода в Афгане, и они радовались, улыбались, расслабленно сидели на броне, каждый по отдельности окунувшись в свои мысли, размышляя кто о чём желает.

Андрюха, в составе своего отделения, жарился на башне последней в колонне БМП. Мечта о скорейшем возвращении домой занимала все его мысли, и ни о чём, кроме дома, ему думать не хотелось. Андрюха пытался спланировать свою дальнейшую, и уже сугубо гражданскую и размеренную жизнь.

Планы нарушил ротный. Оказалось, бритая наголо голова ротного думала совсем не о доме, жене и дочке, а о выполнении боевого задания.

– Ты и ты! – указал пальцем на Андрюху и Хохла ротный. – Ко мне!

Бойцы поспешили к командиру.

– Получен приказ комбата доразведать обстановку в кишлаке. Разведчики докладывали, что там – пусто. Сейчас они заняты, поэтому, вы двое – бегом вперёд, – не терпящим возражений голосом вещал офицер. – Там, у первой стены, вас ждут ещё двое из второго взвода, и двое из третьего. Обшарьте крайние дувалы, и ко мне! Смотрите, недолго!

– Разве такая солянка допустима в разведке? – недовольно бурча, Хохол нехотя поплёлся за Андрюхой, рванувшим в кишлак. – Ротный этот, раскомандовался! А командир взвода, как всегда, язык меж булок засунул, и молчит при виде ротного!

Хохол был тёртым калачом, выросшим на задворках Полтавщины и давным-давно познавшим взрослую жизнь с её формальными и неформальными лидерами, законами и порядками. Он старался не бежать «впереди паровоза» и, тем более, не лезть «поперёк батьки в пекло». Свои прямые обязанности Хохол всегда норовил исполнить добросовестно и качественно, а от исполнения чужих – увернуться.

– Я ему не громила из разведроты, подсматривать и партизанить не нанимался. Моё дело маленькое, – шипел Хохол.

Вероятно, эта рассудительность и спасла ему жизнь. Дробь, выпущенная дрыхлым, иссохшим, чернолицым стариком из древнего, на сто лет старше самого этого деда, экзотического

двуствольного ружья, свистнула между двумя бойцами и мелкими точками отметилась в стене недавно отстроенного дувала. Свистнула всего в сантиметрах от ленивого туловища Хохла.

Хохол механически кувыркнулся вперёд, за стену, помог навык, полученный ещё в учебе. А Андрюха встал, как глубоко вкопанный столб, в пяти шагах от обкуренного в ноль старика. Тот, пошатываясь и тряся стволом, выстрелил снова. За спиной Андрюхи кто-то дико взвыл от боли. Обернувшись, Андрюха увидел мальчишку, подстреленного своим неугомонным дедом.

Малой, тонкими ручонками схватившись за живот, упал на спину. Старик, не отрывая глаз от Андрюхи, вышарил в своре своей разноцветной одежды запасной патрон и дрожащей рукой попытался загнать его в ствол. Хохол, выкроив минутку, выставил из-за стены автомат и одиночным пальнул в старика. Старик согнулся пополам, выронил ружьё, рухнул вправо. Патрон, выпав из раскрытой ладони убитого, покатился в сторону Андрюхи, который так и стоял, сжимая в потных ладонях автомат, посреди улицы.

На звуки выстрелов подоспели бойцы второго взвода. Они окружили тело старика, в поисках трофеев сноровисто обшарили его одежды. Не найдя ничего ценного и интересного, отошли, обратив свои взоры на старинное ружьё.

Мальчонка ещё дышал, наполненные кровью лёгкие хрипло выгоняли воздух.

Очнувшись, Андрюха бросил оружие и метнулся к мальчику. Шок его прошёл, он вернулся в реальный мир войны и суетился, пытаясь спасти мальчишку. Тщетно. Бача умер. С разорванным животом, с выбитыми позвонками. Умер в мучениях, в страхе и горе. Умер, вслед за своим дедом.

Кишки, зелёной зловонной массой выползшие на песок, кровь, скатывающаяся одетыми в пыль каплями, большие открытые глаза, быстро покрывающиеся завесой смерти, пар разорванных внутренностей.

– Сколько ему было, несчастному? Четыре или пять годков? И жизни-то он никакой не увидел, – ужаснулся кто-то из бойцов.

– Не разбираюсь, – отозвался Андрюха.

– Ты не смотри долго, не надо, – Андрюху толкнули в спину. – Нельзя убитому долго в глаза смотреть!

Перепахавшись кровью мальчишки, Андрюха взял его худущее тельце на руки, поднял и перенёс к стене, где бережно уложил к брошенному солдатами к каменным глыбам телу старика. Сев на колени, десантник закрыл малышке глаза, накрыл обоих убитых подвернувшимся под руку цветастым пакистанским одеялом. Поднялся, подошёл к Хохлу.

– Ты какого чёрта стрелял, морда? Ты ж меня зацепить мог! – Андрюха наотмашь ударил товарища по лицу.

– Так не убил же! – попробовал увернуться от второго удара Хохол. Неудачно.

– Не убил, – успокоился Андрюха. Остановился. Остыл. – Извини, трухнул крошку. Извини, брат!

– Ничё, ничё! – Хохол обнял друга, похлопал его по спине. – Бывает.

– Чего стоим? Выполнять команды, бегом! – капитан, командир роты, возник посреди двора с перекошенным от злобы лицом, в ярости метая молнии и, дико вращая руками, словно лопастями вертушки.

– Работаем, командир, – решил оправдаться Хохол.

Издавая нечленораздельные звуки и раздавая направо и налево пинки нерасторопным бойцам, оказавшимся в опасной от него близости, капитан ударил ногой под колено Хохла.

Хохол молча перенёс выпад капитана. Предпочитая свалить от взбешённого ротного подальше, он увёл Андрюху под прикрытие командира своего взвода. Хохол никак не мог смириться с характером и повадками нового ротного, три недели назад заменившего штатного, убившего по ранению в госпиталь.

Нервяк капитана понятен и объясним. Из-за этого дурацкого происшествия со стариком и мальчишкой, ранением нескольких подчинённых, нервотрёпкой в радиоэфире, от него, боевого офицера, прошедшего в песках и камнях Афгана целый год, широким шагом уходил обещанный полковником орден. Да, быть временщиком неудобно и непрестижно, но так уж вышло, что капитан весь год только и делал, что «шатался» по разным должностям и подразделениям, сменяя раненых офицеров.

«Сходишь в последний раз без потерь на войну, получишь Красную Звезду!» – твёрдо пожимая капитану руку, заявил полковник на виду у офицеров штаба полка. «Служу Советскому Союзу!» – бодро отвечал капитан, мысленно дырявя китель под орден. А теперь ситуация складывалась так, что ордена наверняка не будет, а вот дырка на кителе появиться может. От пули.

– Ты! – обратился капитан к сержанту, разглядывавшему в тени навеса отобранное у бойцов стариковское ружьё. – А ну, дай мне ствол сюда!

Сержант отдал ружьё капитану. Тот повертел оружие в руках, посмотрел гравировку, потёр и почитал надписи.

– Бирмингем! Фирма «Скотт и сын», 1882 год. Англия, значит, – обрадованный внезапной находкой, щерясь, прогудел ротный.

– Угу, раритет с английской войны, – радостно подтвердил сержант. – Добротное ружьишко, ещё стреляет! Его можно хорошо «толкнуть», за такую вещичку коллекционеры денег отвалят, ценителей хватает!

– Да, – прошептал офицер, – точно, я его «полкану» подгоню! В подарок! Тогда он мне точно орден не зажилит!

– Шакал, ты и есть шакал! – тихо покачал головой Хохол, из-под насупленных бровей следя за капитаном.

– Ага, Не зря его грязная репутация летела впереди него самого, – имитируя деятельный и озабоченный вид, взводный покинул дворик.

Сержант, стволом автомата поочерёдно указав на Андрюху и на торчащую из-под одеяла детскую ступню, задумчиво проронил:

– Метил во врага, убил внука. Хотел продлить свою жизнь, а прервал весь свой род. Восточный мистицизм...

Шелестя лопастями, над кишлаком запоздало пронесли вертушки. Донёсся шум моторов бронетехники, колонна вползла в кишлак. Нужно было уходить.

– Ты смотри, Андрюх, а ружьишко-то, ротный себе заграбастал. Вот тебе обратная сторона чужой безвинной смерти. Кому смерть, а кому бакшиш, – не унимался Хохол. – Хорохорится, думает о себе, что большая шишка, а на самом деле микроскопический имбецил с неуёмными амбициями.

– Боец, ты чем-то там недоволен, гадина? – рявкнул капитан сидящему на корточках у входа в дувал Хохлу. – Ты свою работу закончил? Всё и везде проверил?

– Так точно, – вяло откликнулся рядовой.

– Учти, дерзкий, я твою кислую морду кровью умою! Спишь тут, сидишь, – взвизгнул ротный.

Отложив ружьё в сторону, офицер подскочил к двери дувала, оттолкнул Хохла назад так, что боец неуклюже вскинув ноги кверху, брякнулся на спину.

– Я теперь сам посмотрю, – капитан толкнул дверь запалённым носком сапога от себя и ловко вкатил гранату в образовавшуюся узкую тёмную щель.

В помещении бухнуло, дверь сорвало с ржавых петель, подкинуло, перевернуло в воздухе. Падая на утоптаный щебень двора, дверь едва не тюкнула капитана по башке. Капитан, щёлкнув затвором автомата, вбежал в помещение.

Внутри было пусто. Ни людей, ни оружия, ни скарба, ни тряпок. Лишь в дальнем углу помещения грудились несколько стопок с листовками, начёрканными на русском и арабском, с чёрно-белыми и цветными рисункам, синими и чёрными печатями.

Ротный подобрал с пола несколько бумажек, покрутил их в руках, пробежал глазами по надписям и рисункам, и с омерзением, будто жабу какую, выбросил.

– Иностранная пропаганда! Сжечь её, – выходя из облака пыли на свет, распорядился ротный, обращаясь к Хохлу.

– Так точно! – Хохол проворно достал из нагрудного кармана хэбэшки трофейную зажигалку, шагнул в помещение.

– погоди, – ротный развернулся, хищно нахмурил брови, скривил рот, дёрнул спусковой курок автомата. Длинная очередь порвала, искромсала, подбросила, переворошила кучи некачественной пакистанской бумаги в клочья. – Теперь поджигай!

– Капитан, да ты контуженый, больной и надутый эпилепсией старик, – горько изрёк Хохол, размахивая зажигалкой.

По приказу ротного и в назидание всем живым, погибших в короткой перестрелке и последующем беглом обстреле кишлака сложили у дороги, по которой шла колонна. Погибших было пять душ. Старик, мальчик, две курицы, лошадь. Два десантника, по дури ранившие друг друга в руки, почётным караулом стояли рядом с трупами. Ротный огрел раненых сапёрной лопаткой по каскам, стукнул каждого кулаком в грудь. Нет счастья бедолагам, хотя – сами виноваты. Андрюху и Хохла вошедший в кураж офицер не тронул, скорее всего, забыл о них. Ничего, вспомнит, отколошматит в полку.

Андрюха молча смотрел на изрыгающего проклятья вперемешку с коммунистическими лозунгами ротного, но слов его не слышал. Он слышал предсмертный окрик мальчугана, его последний вздох, его финальный выдох. И Андрюха плакал. Плакал впервые за время своей службы в рядах Советской армии, плакал впервые на афганской войне, плакал впервые осознано, не от боли физической, но от боли душевной.

Андрюха-десант плакал.

Кто сказал, что мужчины не плачут?

*

Демобилизовавшись из армии, Андрюха несколько лет активно занимался спортом и не употреблял спиртные напитки. К тому же, алкоголь воздействовал на него удручающе, парень не мог спокойно спать, его одолевали кошмары.

Кошмары прошлой войны. Первый бой и контузия, вызванная падением с брони БМП. Огромный диск солнца на пустом небе, раздувающиеся и лопающиеся на жаре трупы товарищей, которых никак не удавалось спрятать в тень, потому что тени не было. Мёртвый старик, наводящий на него, Андрюху, ствол старинного ружья, синеющий мальчик с открытыми глазами и кишками наружу.

Война не отпускала Андрюху лет пять, потом отошла, затерлась, затёрлась в будничной суете тяжёлой работы.

Андрюха крепко сдружился с Фаридом, лидером «афганского» общества, стал участвовать в мероприятиях, организуемых ветеранами войн. Во время и после таких встреч не обходилось без водки. А как иначе снять стресс, накопившийся в течение дня, когда после работы ветераны-«афганцы», собравшись вчетвером или впятером, забыв о делах домашних, шли на кладбище и ремонтировали оградку умершему земляку. Или навещали мать погибшего. Или безрезультатно встречались с чёрствыми чиновниками по вопросу открытия мемориала участникам локальных конфликтов.

Тяжело на душе. А водка помогает, заглушает боль, притупляет обиду. Ему так казалось.

Получается, что каждый день «по чуть-чуть» превращалось в недельный запой. И вот, как итог, увольнение с работы и непрекращающийся скандал дома.

До случая на открытом бассейне, Андрюха не работал чуть более двух месяцев, и выпивал с разными людьми и по всяким причинам в любых уголках посёлка.

Следующая моя встреча с Андрюхой произошла через полтора месяца после трагедии, второго августа. На празднике в честь дня воздушно-десантных войск. Тогда Андрюха выпил три «обязательных» тоста, и больше к рюмке не прикасался. Рассказал мне, что устроился на новую работу, помирился с семьёй и не брал в рот спиртного ровно месяц. Я похвалил его, искренне порадовавшись его маленьким, но важным победам, из которых и складывается нормальная жизнь.

В конце нашей беседы Андрюха признался, что к водке его тянет сильно, но он не пьёт, и надеется, что не будет пить. От страха за своё будущее. От страха за своё прошлое. От страха перед кошмарными снами. Снами, в которых приходят к нему два мёртвых мальчика. Тот, афганский, и этот, наш.

В тихом, тёмном углу беседки у чистого лесного родника мы молчали несколько минут...
Кто сказал, что мужчины не плачут?

(2007 год, март)

ЧЕЧЕНСКАЯ ЧЕЧЁТКА

Мистер, всегда тактичный и пунктуальный, прежде чем войти в кабинет, негромко постучал пальцем в приоткрытую дверь:

– Разрешите?

– Здорóво! Заходи, не тормози!

Мистер переступил через порог. Приветливо улыбнулся, протягивая руку:

– Добрый вечер!

– Ты чего стучишься-то? – пожав его крепкую пятерню, я возвёл руки к небу. – Интеллигент, прям, деревенский! Распахнул, да вошёл, вот и все проблемы!

– Воспитание, моё старое светское воспитание не позволяет вести себя иначе, – скороговоркой ответил Мистер тоном криминального персонажа Андрея Миронова из фильма «Бриллиантовая рука».

– Рассказывай, чего нового, хорошего?

Аккуратно повесив куртку на плечики в шкафу, Мистер пожал плечами:

– Нового? Ничего. Всё, как всегда. Работа, работа, работа! Насосы, штанги, промывки, глушение.

– Раян, чего он там тебе лапшу вешает, а? Опять сочиняет про то, что подземники – самые лучшие нефтяники? Это, хочу заметить, довольно спорно, – звонко бряцая железными шипами на грубых рабочих ботинках в родной Клуб воинов-интернационалистов, или, как говорят в народе – «Клуб Афган», завалился Бабай. С красной от усталости, ветра и мороза физиономией, но в хорошем настроении. В отличие от помощника бурильщика бригады по подземному ремонту скважин Мистера, Бабай трудился мастером в цехе эксплуатации и ремонта зданий и сооружений, но планировал, получив второе высшее образование, перейти в нефтегазодобывающий промысел. Работу промысловика он считал наиболее ценной и важной.

Бабай размотал с шеи метровый шарф, стянул перчатки. Разминая околевшие пальцы, жестом поприветствовал товарищей:

– Салам, мужики!

– Добрый вечер, Бабай, – откликнулся Мистер. – И я никогда не устану повторять, что подземники – лучшие нефтяники!

– Ага, подземники! Всё начинается с добычи, а подземный ремонт – дело десятое, – вслед за Бабаем в кабинет ворвался промысловик Валера, оператор по добычи нефти и газа. – Всем салют!

– Привет, нефтепромыслы!

– Слушай, дружище, – обращаясь к Мистеру, Валера кашлянул, – вы же сами, «ломастеры», скважины так чудовищно ремонтируете, что потом по три раза за год на одно и то же место вас на повторный ремонт ставят. Нет?

– Да вы все, парни, без прокатно-ремонтного цеха – никто! Скважины и качалки, без текущего обслуживания и ремонта, просто груда никчёмного металлолома, – послышался из-за отворяющейся двери весёлый голос Мамонта, слесаря-ремонтника. – Привет-привет, передовики!

– Ты, давай, помалкивай, – пожал ему руку Валера, – стахановец небритый!

– Парни, мы просто молоды и горячи. У нас полно сил и энергии. И огромное желание сделать хоть небольшую, но карьеру, заработать денег на квартиру и машину, укрепиться в обществе, стать независимыми от обстоятельств. Это нормально, – начитанный Мамонт, как обычно, сверкал отточенными мыслями. – Но лет через пять, годам к тридцати, запал прогорит. Страстные споры и переживания о работе, свободное времяпрепровождение в сообществе ветеранов и баскетбольные тренировки по вечерам останутся в далёком прошлом. Они сме-

нятся стиркой колготок для вопящих деток, перебранками с жёнами и бесконечным мелким ремонтом в наших жилищах.

– Ничего себе, перспективы, – присвистнул Валера, бросив спецовку и шапку на стул. – Яркие и многообещающие.

– Ладно, хватит о работе и мечтах, не для этого собрались, – втискиваясь в приоткрытую дверь, пресёк шутливые интонации коллег-нефтяников Кэмэл. – Меня дома малыши дожидаются. И жена со сковородкой. Рассказывайте, сделали чего-нибудь? Как и договаривались, Раяныч?

– Вот, составил план дальнейших боевых действий, – я раздал парням копии листов машинописного текста с броским заголовком «Положение о проведении мероприятий ко дню Защитника Отечества». – Читайте, может, чего добавите.

Первым, естественно, прочёл шустрый Мамонт. Обведя товарищей лукавым татарским прищуром, он провозгласил:

– Нормально всё, и законно. Можно бежать по большим начальникам и их мелким холопам. Одобряю!

– И мне нравится. Пойдём с этим письмом к мэру? Когда? – посмотрел на часы Кэмэл.

– А чего время терять? Сейчас и пойдём, – в задумчивости погладив пепельно-чёрные усы, заключил Бабай.

– Всем привет, привет, – в помещение, один за другим, вошли Усман, Андрюха-татарин, Элвис и Лев.

– Здорово, «опоздуны»!

– Вы что-то без нас решили? – потирая замёрзшие ладони, поинтересовался Лев. – Тема собрания?

– Раяныч придумал на 23 февраля план. Мы вместе пойдём к мэру подписывать этот план, прямо сейчас, – десантник Валера, как обычно, был стремительно решителен. – Слушайте сюда! Если вкратце, мы с вами будем устанавливать мемориальную доску памяти Айгиза Зайнутдинова на доме, где сейчас живут его родители.

– А родители Айгиза согласны? Их вы спросили? Мнение родителей, полагаю, первоначально, – строго высказался Кэмэл.

– Спросили.

– Текст надписи на доске придумали родители Айгиза, – подтвердил Бабай.

– Вот, слушайте план, – обведя всех заговорщицким взглядом, я начал рассказывать опоздавшим нюансы. – Всем «чеченцам» нужно собраться утром у дома Айгиза. К семи часам. Ясно? Только не забудьте оповестить ребят за пару дней, чтобы с работы успели отпроситься. Вот, к одиннадцати приглашаем выпускные классы школ, милицию, военкома, мэрию, совет ветеранов войны и труда, начальников предприятий, батюшку и муллу, одноклассников Айгиза, прессу. Поставим микрофон и аппаратуру, чтобы всем всё слышно было.

– Не слишком рано собираемся? – поинтересовался Усман, перечитывая план.

– Доска, под белым покрывалом, уже должна висеть. Мы прикрутим доску заранее, утром, это займёт время. Нужны будут стремянка, дрель и свёрла, анкера и покрывало.

– Логично. Я возьму инструменты, – поднял руку Бабай.

– Первым даём слово мэру, потом военкому, потом кто-то из нас должен будет подрастающему поколению речь о патриотизме толкнуть, потом Мистер, как однополчанин погибшего, снимет с мемориальной доски покрывало.

– Нормально, – согласился Усман.

– Потом объявим минуту молчания. Дадим ответное слово родителям. Потом, может, кто-то из пришедших захочет что-то сказать. Посмотрим на месте.

– Люди стеснительны на подобных мероприятиях, – подал голос Мамонт, выходя из задумчивой паузы. – Надо сразу подобрать выступающего, подготовить его.

– Резонно, – поддакнул Усман.

– Затем мы садимся в заранее заказанный автобус и с митинга едем на кладбище. Бабай, ты с нефтяниками про автобус договаривайся, это тебе задание. Вот, приезжаем, возлагаем на могилу цветы. Минута молчания. Едем в спортзал.

– Зачем в спортзал? Там Айгиза поминать будем? По сколько будем скидываться на посылки? – Лев выковырял из кармана кошелек.

– С этого понедельника и до 23-го февраля, посчитай, две недели, будем проводить Первый баскетбольный турнир имени Айгиза Зайнутдинова. Если получится, сделаем турнир ежегодным, как память. Команды будут, я уже разговаривал со спортсменами в цехах, все согласны и хотят играть. Мы с вами выставим свою сборную ветеранов! С призами тоже определился, спонсоров нашёл, призы будут. Так вот, финал турнира отыграем, затем и помянем Айгиза! Вопросы и предложения есть?

– Не зря, наверное, тренируемся? Думаю, сыграем, – Мистер потёр подбородок, – и выиграем.

– Есть вопросы, – закричал Мамонт. Когда волновался, тише говорить он не умел, поэтому и закричал, а не заговорил. – Важно, чтобы дорога от асфальта до кладбища была очищена от снега! И дорожку от ворот кладбища до могилы Айгиза прокопать не мешает! Могилу в порядок надо привести! Люди придут, телевидение. Пусть знают, что мы своих пацанов помним, что у нас всё по-людски.

– А разве мы не помним? Сам, лично всё раскопаю! От ворот до могилы. И плиту от инея протру, и цепи на оградке. Вот Льва в помощники возьму. У нас на работе ещё два «чечена» трутся, их припашу. Вчетвером справимся. А вот до кладбища лучше трактором пройтись, чтобы лопатами не мучиться, там метром двести набегает, – высказался Кэмэл. – Трактор найдём?

– Будет трактор, договорюсь, – пообещал я. – Что ещё забыли? Ничего?

– А зачем мы к мэру погрёмся? – любопытствовал Андрюха. Андрюха – парень тихий и незаметный, не любил светиться перед малознакомыми людьми и грозным начальством.

Я ткнул пальцем на графу «Утверждаю» в начале документа:

– Пусть мэр подпишет наш план, что он не против. Чтобы всё законно было. Всё-таки, это массовое мероприятие на его территории. Если на бумаге будет его подпись, бумага станет документом. А нам и трактор легче найти будет, и автобус бесплатно просить. Может, прогнём мэра на подарок родителям погибшего. Администрация не обеднеет, если мэр с подарком к родителям Айгиза придёт.

– Этот чинуша – тот ещё жёлудь. Работать для людей он не привык. Ничего он нам не подпишет, – поделился своими опасениями Бабай.

– Отнесём план с закорючкой мэра на предприятие, где Айгиз до армии работал, чтобы они родителям подарок сделали на 23 февраля! Пусть и они помнят, – предложил Кэмэл.

– Да, давай, сделаем Айгизу стенд! А лучше – два! Один здесь, в Клубе повесим, второй пусть в конторе его предприятия висит, напоминает, что там герой работал! – оглушил своим предложением Мамонт. – А?

– Хорошая идея. Допечатаю её в план!

– Если мы сами всё делаем, сами копаем, сами турнир проводим, сами стенды колотим, для чего нам мэр и его подпись?! Чтобы потом он всё себе приписал? – вспыхнул Кэмэл. Его очки запотели, а уши побагровели от гнева. – Я с этим перцем уже сталкивался один раз, когда в администрации заявление на постановку в очередь на получение места под строительство капитального гаража писал. Сразу после армии. Зашёл к нему, попросил поставить меня, как имеющего ранения и награждённого государственными наградами, в льготную очередь. Он отказал, сказал, что я не «афганец», чтобы такими льготами пользоваться, и послал меня подальше. Больше я к нему в глухую стену стучаться не хочу!

– А мы не будем никуда стучаться! У нас чёткий план, и подпись его нужна больше для проформы! Мы же грамотные люди, знаем, без бумажки – мы какашки, вот и идём. И вообще, пусть знает, что мы есть, и будем. Будем жить стоя, а не молча забившись в угол!

– Я помню, какие речи мэра на похоронах Айгиза толкал! О вечной памяти защитникам Отечества! О поддержке родителей! Пусть теперь докажет, что помогает! Айгиз – не бандюган, убитый в подворотне! Он кавалер ордена Мужества, погибший за Родину! И он достоин памяти. Будет мемориальная доска – это же замечательно, – я блестел воспалёнными глазами. – Кто из подростков знает о подвиге Айгиза? Никто! Зато о «подвигах» местных отморожков дети в курсе! Дети знают их поимённо!

– Красота, героя не знают, а их – пожалуйста!

– Вот пусть теперь мимо дома Айгиза в школу ходят и видят, знают, помнят!

– Да, ты прав, Раяныч! Салаги знают бандитов, и не знают героев. Дети стесняются говорить, что их отцы воевали в Афгане, а братья воевали в Чечне. Дурдом! По их мнению, мы какие-то недоумки и неудачники, раз мы где-то там далеко воевали, вместо того, чтобы наживать богатства здесь. Это больно и неприятно! Но стереотип неудачников надо ломать. И мы ломаем, – Мамонт разошёлся в праведном гневе. Была бы трибуна, он бы уже стучал по ней башмаком. – Сломаем! Мы им не алкаши у пивнушки, не дождуться! Мы – люди!

Минут десять ушло на внесение в план поправок, предложенных пацанами. Пока я печатал, они обсуждали детали: откуда взять лопаты, кто купит цветы, что подарить родителям погибшего.

Распечатав и проверив текст на наличие орфографических ошибок, мы отправились в местную администрацию.

Пришли, потоптались на пороге. Решили не пугать народ, вдесятером толпой в кабинеты не вваливаться. Половина ребят отправилась домой, половина – на приём к мэру.

Мистер, Бабай, я и Валера, как избранные делегаты, вошли в небольшую приёмную самой главной «шишки» нашего рабочего посёлка. Сняли головные уборы, расстегнули куртки.

– Здравствуйте, уважаемая, добрый вечер, – Бабай культурно поздоровался с пожилой секретаршей мэра на родном – татарском – языке. Он, как родившийся в глухой татарской деревушке, прекрасно говорил по-татарски. – Судя по графику, сегодня у мэра приёмный день. А мы записывались на 17:00, и именно на сегодня. Участники боевых действий в Чеченской Республике. Четыре человека. Можете проверить по журналу?

– Здравствуйте! Да, я помню о вас. Сейчас спрошу у главы администрации, и если он свободен, он вас примет. Подождите в коридоре, я вас сама приглашу.

Минут пятнадцать мы неуверенно жались к стене в узком, плохо освещённом коридоре, молча ожидая вызова. Волновались. Опыта общения с прожжёнными чиновниками нам не доставало.

Место расположения администрации было выбрано интересное: второй этаж двухэтажной «хрущёвки», серой и неприметной. На первом этаже – отделение милиции. В коридоре второго этажа, сквозь тонкие брусчатые стены и перегородки отчётливо были слышны раздражённые голоса милиционеров, выкрики и проклятия задержанных алкашей, скрип открываемых дверей, редкие глухие удары. После каждого из таких ударов мы с парнями неловко переглядывались.

Секретарь мэра выглянула в коридор:

– Проходите, ребята, вас ждут!

Дверь в кабинет «шишки» оказалась открытой. Мы вошли, поздоровались.

Мэр величественно поднялся из-за широкого письменного стола и, с немного ехидной улыбкой на тёмном лице, жёстко пожал каждому руку, при этом коротко кивая головой:

– Присаживайтесь, места хватит.

Мы сели на стулья напротив хозяина кабинета, нас разделял его стол. На стене за нашими спинами висело большое прямоугольное зеркало в деревянной рамке, в которое мэр, усаживаясь в своё удобное кресло, неприметно глянул.

Высокий, крупный, плотный, самоуверенный, с истинно пролетарскими очертаниями лица, чуть седоватый. Среднего возраста. Да, внешне мэр был хорош, и наверное, нравился женщинам неопределённого возраста. Но его колхозное прошлое – а он действительно когда-то работал агрономом – выдавал несвязанный единым стилем костюм: коричневые брюки, зелёный шерстяной пиджак, тёмно-жёлтая рубашка и серый галстук в горизонтальную полоску.

Опустившись в высокое кожаное кресло с деревянными вставками, мэр поднял трубку телефона внутренней связи:

– Пригласите ко мне заместителей. Да, пусть оба послушают, чего ребята хотят.

Заместители мэра: худая женщина лет тридцати пяти и сухой, пожилой мужчина с невнятной физиономией, вооружившись блокнотами и ручками, внимательно смотрели на нас. По напряжённым позам было заметно, они ждали подвоха. Не понятно только, какого!

– Уважаемый глава администрации, – посопев, негромко начал Бабай, – мы являемся участниками чеченской войны. Как вам известно, летом прошлого года мы провели собрание и объединились с ветеранами войны в Афганистане в общественную некоммерческую организацию. Сейчас мы восстанавливаем помещение нашего Клуба, делаем ремонт, чтобы было, где собраться, посидеть, поговорить, потренироваться самим и потренировать детей, нашу смену в армии.

– Да, я знаю, что руководители наших уважаемых нефтяников выделили вашему Клубу спортивный инвентарь, – показа свою осведомлённость мэр.

– Совершенно верно. Дети, под руководством двух ветеранов боевых действий, скоро будут заниматься рукопашным боем и тяжёлой атлетикой. Группа желающих уже набрана. Занятия для всех бесплатные, три раза в неделю, по вечерам. Приглашаем и вас посетить Клуб, посмотреть, что к чему, поправить физическую форму, – более уверенно продолжил Бабай. – Мы давно занимаемся военно-патриотическим воспитанием молодёжи, хотя и сами из молодёжного возраста ещё не вышли. За прошедший год мы провели несколько мероприятий. Среди них – крупнейшее в этом десятилетии спортивное мероприятие юго-востока республики – военизированная игра «Зарница-2000». В игре, направленной против распространения наркотиков и рекламирующей здоровый образ жизни, мы задействовали около двух тысяч юношей и девушек, и все остались довольны.

– Да, да, я знаю, я видел вашу «Зарницу», было очень интересно, – мэр наклонился вперёд, демонстрируя мнимую заинтересованность. Он сделал многозначительный жест: «отлично». А его заместители стали усиленно черкать что-то в блокнотах.

– К празднику Защитника Отечества мы готовим новое большое мероприятие. Хотим вас ознакомить с планом и, если это возможно, заручится вашей поддержкой, – я положил распечатку плана мэру на стол. Он, бегло оценив текст, протянул бумагу своим заместителям.

– И что вам нужно от нас? Конкретно, что?

– Если вы согласны с нашим планом, подпишите его, пожалуйста, и нам будет проще осуществить задуманное в техническом плане. Деньги на организацию турнира мы нашли, подарок для родителей – выбьем с последнего места работы Айгиза, а на мемориальную доску – скинемся сами.

– Торжественное открытие мемориальной доски – дело большое, я должен посоветоваться с главой города и района, всё-таки мы, посёлок, входим в его подчинение, – мэр поднял свои маленькие и жёсткие точки карих глаз к потолку. – Вы сможете зайти ко мне послезавтра? В это же время. Я завтра переговорю с главным, и отвечу вам послезавтра.

– Сможем, – ожидаемо согласился Бабай.

– А по турниру, – мэр откинулся на спинку кресла, – думаю, вряд ли вы сможете собрать команды. Но, если сможете – будете джигитами. Хотя, вряд ли. И ещё – кто придумал дизайн мемориальной доски и текст? Из вашего плана видно, что доска чёрного цвета. Почему? Сколько будет стоить её изготовление?

– Так положено, традиция – изготавливать из чёрного мрамора. Стоить это удовольствие будет около пяти тысяч рублей, не особо дорого. Слова не броские, зато по-человечески тёплые, их подсказала мать погибшего, это строки из её стихотворения о сыне. Нам слова понравились.

– Да, слова хорошие, – мэр в короткой улыбке обнажил зубы, подбирая выражения, – и мне понравились. Сначала я подумал, вы текст у поэта какого-нибудь взяли. А написала мать, надо же! Я знаю эту семью, был на похоронах, – скорбно прикрыв веки, мэр покачал головой. – Пять лет ведь будет его гибели? И кому нужна была эта жестокая война...

– Я помню похороны, – сказал я, – и выступление ваше помню. Вы тогда громко говорили, надеюсь, поможете нам сейчас.

– Помогу, джигиты, помогу, вы делаете очень нужную работу. Помогу. И то, что вы хотите старшеклассников пригласить, ответственных лиц и руководителей предприятий – это правильно, героев должны знать. И не только павших, и вас люди должны знать в лицо, – слащаво заливал мэр, рисуя карандашом каракули в ежедневнике.

– Спасибо.

– У школьников как раз на этот день зарница намечается, сразу после неё – они подойдут к вам. Я дам распоряжение директорам школ. Пусть вместе посмотрят, поучаствуют, послушают вас, – мэр тяжело поднялся с тёплого места, намекая на окончание разговора. – Ну, до свидания! Счастливого вам, джигиты, за равнодушие!

– До свидания. Спасибо за встречу!

Мы вышли на улицу.

Стемнело. Подморозило. Ветер швырял за шиворот быстрый колючий снег. Тонкий серп луны проглядывался сквозь пылевидную полосу невзрачных облаков. Звёзд исчезли за пеленой снежной пыли. Пальцы коченели в дешёвых перчатках.

Постояв на крыльце, помёрзнув, мы обменялись впечатлениями и расстались, чтобы послезавтра встретиться на этом месте вновь. Бабай и Валера поспешили в одну сторону – они проживали в соседних домах. Я и Мистер потопал в другую. Мистер, пока холостой и не обременённый хозяйством, жил с родителями недалеко от меня. К тому же, мы решили заглянуть к ещё одному товарищу – Пуху. Он приглашал погреться, попить чайку.

– Классно, что мэр нас поддержал. Я даже удивился слегка. С виду – мутный персонаж, а на деле, вроде, нормальный мужик, – делился со мной своими впечатлениями Мистер.

– Вряд ли на таком посту будут держать нормального, – ответил я. – Посмотрим.

В гостях о мероприятии договорились не упоминать, расслабиться. Расслабились, весь вечер азартно резались в покер. Проигравший обязывался начистить и нажарить картошки с луком и накромять бутербродов с колбасой. Победители брали на себя непростые обязательства поглощения всего съестного.

Проиграл, как ни странно, хозяин квартиры, человек доброй души, Пух. Пока мы шутили, смеялись и смотрели музыкальные клипы, он приготовил отменное блюдо по собственному рецепту. Под чёрный хлеб с салом и чесноком, «жарёха-картоха от Пуха» ушла на ура. Бутерброды доели, попивая чай.

Через день – с хорошим настроением и верой в удачу – мы встретились у крыльца поселковой администрации. В тот же час, после работы. Бабай, Мистер, я и Валера.

Ждать в коридоре пришлось около получаса. Мэр, вместе со своими замами и заместителем главы администрации города и района по социальным вопросам, приехавшим специально для встречи с нами, принимал группу разгневанных высокими тарифами ЖКХ пенсионеров.

– Выходят. Наконец-то, – выдохнул Бабай. Он был голоден и зол.

Пенсионеры дружной стайкой выпорхнули из кабинета начальства. Постукивая клюшками и палками, побрякивая, громко перетирая меж собой личность мэра, они удалились.

– «Чеченцы», проходите, вас приглашают.

Сквозь неприкрытую дверь я заметил, что в кресле мэра восседает ссохшаяся пожилая женщина с взбитыми в высокую воздушную шапку фиолетовыми волосами.

В легко затемнённых очках с толстыми линзами в большой некрасивой оправе, крючковатым носом и жалким подобием улыбки она встретила нас, входящих, скупой командой:

– Рассаживайтесь!

По голосу изморённого учителя начальных классов, обращающегося к нашкодившим мальчонкам, нетрудно было определить, что нас она считает не более чем неграмотными деревенскими выскочками.

– Спасибо.

Мэр съёжился рядом с «фиолетовой женщиной» в кресле пониже и подешевле, его замы – левее своего шефа, на стульях.

– Иерархию соблюдают, – прошипел Валера, – хана ждёт нас сегодня!

– Ух ты, фиолетовая женщина, – хохотнул Мистер. – Надо же, ну и причёска!

– Добрый день, – открыл рот Бабай, но фиолетовая женщина начальственно прервала его:

– Я изучила ваш, так называемый документ, и у меня, как у человека, проработавшего на своей должности более двадцати лет, и повидавшего множество различных мероприятий, возник ряд вопросов. Потрудитесь выслушать меня и ответить.

– А мэр не здоровается даже. И смотрит по-другому. Обломают они нас, – не унимался Валера. – Ты посмотри на её вид, меня уже воротит!

Валера почувствовал себя не в своей тарелке, ему стало тесно в своей собственной шкуре. Каждая мелочь раздражала его, дробила терпимость на мелкие кусочки, причиняла обидную боль.

– Тише, давай послушаем, – я и сам чувствовал некоторое напряжение, витавшее в воздухе, но событий не торопил.

– Первое. Какие цели вы преследуете своим мероприятием? – начала загибать пальцы власть имущая дама. – Патриотическое воспитание молодёжи, как я полагаю, просто прикрытие. Второе. Зачем вам своей доской тереть память родителей погибшего? Зачем им ваш мемориал? Ваша затея абсолютно бесполезна! Сына вы им не вернёте, а напоминанием – делаете больно. Уверена, родителям ваша прихоть не понравится! Или вы хотите довести их до истерики? Натравить родителей на администрацию? Если им станет плохо, кто и на какие средства их будет лечить?

– Мы...

– Третье! Кто составил текст для мемориала? Мне те слова абсолютно не нравятся, в них не видно ни военного патриотизма, ни любви к Родине, ни воззвания к потомкам. Слезы одни. И боль. Где же ваше, так называемое, воспитание молодёжи? Вы их собрались учить плакать? Они и без вас плакать умеют!

Мэр посёлка еле сдерживал уничижительную ухмылку, разглядывая нас и победоносно кивая после каждого восклицания «фиолетовой леди», его замы – выпучив глаза, внимали каждому слову городского босса, записывая в блокноты отдельные выражения.

– Четвёртое! Вам никто бесплатно не выделит технику! Автобус и трактор, о которых вы тут пишете. Социализм давно кончился, а ваш долгожданный капитализм требует денег. Деньги у вас есть? У нас – в бюджете – денег на ваши «хотелки» нет! Вы сами видели, кроме вас, у нас, в администрации, море дел и проблем. Это и пенсионеры, и инвалиды, и все типы бюджетников, и «чернобыльцы», и «афганцы».

– В посёлке три учреждения дополнительного образования, детская коррекционная школа, шесть садиков и три средних школы, – мэр предъявил доказательства обилия бюджетников.

– Пятое. Кто вам разрешил собирать массу команд на турнир? Вы согласовали его с комитетом по спорту при администрации города? Знаю, не согласовали. Я говорила с председателем городского спорткомитета, он не в курсе ваших неожиданных соревнований. Почему не согласовали? А с больницей? Медработник на соревнованиях будет? Вдруг кому-то станет плохо? – всё строже и строже выговаривала ответственная чиновница. – Шестое. Вы зарегистрированы как общественная организация? Нет? Вы обращались в военкомат? Взаимодействовали? Нет! Сами везде ходите, что-то копаете, что-то требуете, народ баламутите. Добровольно ли? Интересно, а на какие средства ваша организация функционирует? Кто вас спонсирует? Какие цели ваш спонсор преследует дестабилизацией гражданского общества? Потрудитесь ответить быстро и внятно, у меня на вас не более четверти часа!

Мы растеряно смотрели ей в сохлый рот, ловили вылетающие слова. Не поймали. Своим уверенным наездом она морально придавила нас к полу, шипя едкой кислотой, разъела хорошее настроение, заставила потеряться в собственных мыслях.

Своё дело тётка знала, факт. Унизив нас нашей неподготовленностью к разгромному поражению, дамочка сидела, довольно потирая кончиками пальцев края цветастого старческого платка, накинутого на шею сзади.

– Цели у нас одни! Моральная, психологическая и материальная поддержка ветеранов локальных войн и членов их семей, патриотическое воспитание молодёжи! Никаких скрытых политических амбиций нет, – робко оборвал зазвеневшую тишину Бабай. – Никого мы не прикрываем. Никто нас не финансирует.

– Установкой мемориальной доски мы хотим напомнить о павшем герое не родителям, а обществу, которое старается нас забыть как можно быстрее, – короткостриженный, со сжатыми в молотки кулаками, крепыш Валера поднялся на ноги. – Для его родителей, как и для нас, важна память! И если вы этого не понимаете...

– Молодой человек, говорите сидя, мне на вас неудобно смотреть снизу вверх! – приказным тоном попросила фиолетовая женщина. – И не повышайте голос! У меня со слухом нормально! Мне демагогия не нужна. Давайте чёткие ответы на заданные вопросы!

– Вы действительно не понимаете, – Валера в сердцах махнул кулаком у носов ни издающих ни звука заместителей мэра. – Или притворяетесь! Вам так удобней! И не валите на проблемы с пенсионерами и инвалидами, решать их проблемы – это ваша работа! Подозреваю, вы и с ними обращаетесь так же, как с нами!

– Где ваши аргументы и факты? Ваши обвинения – голословны! Администрация заботится об инвалидах и стариках по мере сил и возможностей, – завизжал мэр, выстреливая слова с сильным татарским акцентом. Когда он терял самообладание, всегда путал русские слова с татарскими, и говорил скороговоркой с акцентом.

– Мы с вами не слышим друг друга, – Валера насупился, казалось, он готов боднуть заплутавшего в своих посулах чиновника.

Мэр испугался. Его щёки прибрели цвет, идентичный волосам городской чинуши. Он буквально ракетой подлетел со своего места. Тыча указательными пальцами обеих рук в освободившееся кресло, мэр закричал:

– Если вы думаете, что сумеете справляться с должностными обязанностями руководителя посёлка лучше, чем я, я готов уступить вам своё место!

– Ни стыда у вас, ни совести, одни штампы, отмазки и обвинения, – Валера, двумя двухметровыми шагами скакнул к выходу. – Вы обвиняете нас в собственных страхах потерять ваши должности. До свидания!

Штукатурка, после мощного удара двери об косяк, осыпалась под обоюдное молчание противоборствующих сторон.

Мэр вспотел, его замы зафиксировали происшествие в записных книжках, властная дама, не меняя постную маску безразличия, пролаяла:

– Завершайте.

Ровным голосом, пытаясь сбить внутренне волнение, пять минут я говорил о высоких материях, Родине, памяти, любви.

– Вот что, молодые люди, я всё прекрасно понимаю. Все ваши устремления. Но! Детей привлекать в ваши политические авантюры – я вам запрещаю! Никаких детей!

– Конечно, конечно, я уже распорядился школьников после зарницы распустить по домам! Телефограмма директорам разослана, – подал голос мэр.

– С турниром у вас ничего не выедет, никто к вам не приедет играть! А доску прибить, кто вам, в конце концов, разрешит портить архитектурную композицию и крепить что-то на стене дома? Я – против, – чиновница побарабанила пальцами по столу. – И ребят ваших в рабочее время с работы не отпустят!

– Отпустят, мы поговорим с руководителями цехов, «чеченцев» не так много, надеюсь, они нас поддержат.

– Тогда я настойчиво попрошу милицию организовать охрану общественного порядка во время открытия мемориальной таблички и проведения турнира, если он состоится.

– Будьте уверены, состоится, – буркнул Бабай. – Назло всяким бюрократам.

– Не надо тут на меня бурчать. Я старше вас. И по возрасту. И по должности. Имейте уважение. И не смейте здесь свой посттравматический синдром выплёскивать, если вас что-то беспокоит – обращайтесь к соответствующему врачу.

Я подскочил, словно ударенный обухом по голове:

– Классики настаивали, что вес человека в обществе определяется его поступками, а не наименованием должности, званием или рангом.

– Вы вправе иметь своё мнение, а я – своё, – чиновница пожала плечами. – Исходя из жизненного опыта.

Бабай чихнул в кулак. Флегматичный Мистер, погрузившись в мрачное одиночество, отключился и задремал.

– Как вы считаете, – обратилась «фиолетовая женщина» к мэру, – нужна эта доска посёлку?

– Вряд ли нужна. Она может негативно настроить подростков к мигрантам, особенно – к переселенцам с Кавказа. Чёрного цвета, с туманным текстом...

– Как, «с туманным текстом»? – проснулся Мистер. – Вы же нам говорили, что вам слова понравились!

– Я не говорил! – мэр, без всякого зазрения совести, посмотрел Мистеру прямо в глаза. – Мне ваша идея не понравилась сразу!

– Вот дела! Вот власть. Не слуги народа, а какие-то изменники, – Мистер напрягся, угрожая сконцентрировать пальцы в кулаки. Бабай незаметно прижал его кулаки своим локтем к коленям. Призывая к спокойствию, я толкнул Мистера плечом в плечо.

– Хорошо, мы всё организуем сами, и без всяких ваших подписей! До свидания! – Мистер, давимый внутренними пружинами, вскочил, вышел вон. За ним последовали мы с Бабаем.

Дверь в кабинет мэра захлопнулась.

Молча и быстро, втроём мы шагали до общежития, в котором жил Бабай. Погода не баловала, ветер толкал в спину, норовил сбить с ног.

– Парни, забегайте на чай, – предложил Бабай.

Мы с Мистером в нерешительности остановились у крыльца общаги. Заходить в гости, не заходить? Сын Бабая был совсем крохой, а его жена ещё не восстановилась после родов, и мы не решились их тревожить. Лучше не заходить.

– Сдаваться не будем! – Мистер широко открыл рот и, тяжело дыша, подставил лицо навстречу ветру.

– Завтра поеду в город к главе администрации города и района. Добьюсь приёма. Расскажу о сегодняшней встрече с его замом, – топал я ногами для согрева, – с этой фиолетовой дамочкой. Оставлю бумагу ему на подпись. Посмотрим, что он сделает! Скоро выборы, и вряд ли он пойдёт на конфликт, конфронтация им не нужна. Буду биться, пока не подпишет – кабинет не покину!

– Вместе поедem, вдвоём. Давай, я после обеда с работы отпрошусь, и на моей машине поедem. Лады? – протянул руку Бабай. – И Валере позвони, успокой буйного!

– Конечно! А ты – жене своей привет передай, усатый!

– Передам. Ну, тогда, до завтра! – Бабай пожал нам руки и побежал домой, к любимой супруге и её коронному блюду – татарскому супу.

Пряча руки в карманы, кутаясь в воротник, надвинув поверх шапки капюшон, я собрался домой. Мистер опустил уши меховой кепки, втянул шею в пуховку, поёжился.

– Слушай, Раяныч, пошли ко мне. Мама пирожков напекла. Чай попьем с пирожками, согреемся, – предложил он. – Нервы подлатаем.

– Пирожков? Пошли!

До квартиры Мистера не шли, бежали, коченея от ветра...

Чайник вскипел. Пока я наливал чай, мыл и нарезал лимон, Мистер почистил лук, нарезал копчёного сала, достал из духовки противень с пирожками.

– Классный ужин! Бабая надо было позвать!

Мистер, взяв пульт, включил небольшой кухонный телевизор. Телек встретил нас новостями. Напомаженная телеведущая, подглядывая в монитор ноутбука, сообщила трагичным голосом: «Сегодня в Чечне погиб один военнослужащий федеральных сил, трое – получили ранения различной степени тяжести, один из них – в критическом состоянии»...

– Суки! – пульт полетел в телевизор.

Глухо ударившись об экран, дистанционник срикошетил на пол. Мистер опустился на ковёр. Прислонившись спиной к стене, он отвернулся от меня и зарычал в сторону телевизора:

– Один военнослужащий федеральных сил... Суки! Сидят теперь в кабинетах, задницами дымят! Руководят страной! Руками влево! Руками вправо! Порят всякую чушь, промывают мозги! Слышал, что она сказала, дура фиолетовая? «Вы портите нам фасад здания». Здания! А жизнь они нам не испортили?

Мистер, вцепившись в ковёр до посинения пальцев, дышал громко, с присвистом. Душой он был далеко. Может, в учебке в Тольятти. Может, в бригаде за Нижним Новгородом. Может, под обстрелом в Грозном. Может, на операционном столе в Моздоке.

– Мы же все оттуда... такие... кто – двухсотый, кто – трёхсотый... Нормальных нет, Раяныч. Нормальных нет! Ранены либо в башку, как я, либо в душу. Все ранены, все – осколочным – в душу! Плевками! Равнодушием! Молчанием!

Мистер ушёл на балкон. Промёрзнуть, чтобы отрезветь, успокоиться, вернуться.

Чай пили молча. Настроение Мистера испортилось окончательно, глаза ненормально блестя, широкий лоб покрылся испариной, носки ступней сердито выстукивали об пол чечётку. Злую, лихорадочную, нервную. Чеченскую.

Я схватил Мистера за плечи, поднял за подбородок опущенную голову и, глядя ему в глаза, тихонько потряс:

– Всё получится, не переживай!

– Война, война ни фиги не закончилась... Война тут, с нами. Но они не дождутся, мы не сдадимся... Мы их, Раяныч, порвём, сделаем... сделаем...

– Сделаем. Ты прав. Ни шагу назад. А сейчас, давай, спать иди, отдохни.

Поговорив с мамой Мистера, я объяснил ей, что к чему. Она, понимающе кивая, улыбалась мне, благодаря за многолетнюю дружбу. В ответ, поблагодарив её за вкусный ужин, я попрощался с Мистером и ушёл.

Утром по телефону Бабай записался на приём к главе администрации города и района. Вечером следующего дня мы с ним поехали в город, в администрацию.

Просидев два с половиной часа в коридоре на жёстких стульях, в кабинет к главе мы не попали. «Часы личного приёма граждан закончились», – объявил нам его помощник, откормленный молодой человек с зализанными вбок волосами, не пропустивший нас даже в приёмную. Конечно, кто мы такие, чтобы нас пропустили «в святая святых» просто так, без недельного ожидания счастья увидеть главу живём? Никто!

Но нам повезло. Мы, воспользовавшись оплошностью охраны, а нас никто не попросил покинуть здание, подремали в коридоре ещё полчаса и дождались окончания рабочего дня главы. Как только глава показался в коридоре, мы остались с ним нос к носу, решительно оттеснив его слащавого помощника назад в приёмную.

– Извините, товарищ начальник, что обращаемся к вам в коридоре, но простым смертным в ваш кабинет не пройти, – Бабай вложил в открытую ладонь главы нашу драгоценную бумагу.

– Как не пройти? – удивлённо вскинул мохнатые брови глава, человек достаточно возрастной, но опрятный, бодрый и вежливый. – Пожалуйста! Запишитесь заранее, лучше за неделю, или за две, и пройдёте.

– Мы – ветераны боевых действий. У нас срочный вопрос и нам необходима ваша поддержка.

– Хорошо, я выслушаю вас, пройдёте в кабинет. Я даю вам три минуты.

Я заучил текст своего выступления заранее, и в три минуты уложился. Старался говорить без эмоций, и его подчинённых ни в чём не обвинять, представив их немного не разобравшимися в сложной ситуации.

– Товарищ начальник, нам нужна, прежде всего, ваша моральная поддержка. И одобрение нашего мероприятия, – прибавил к моему выступлению свои «три копейки» Бабай.

– Ну, и мы убедительно просим власти оплатить стоимость изготовления мемориальной доски. Вот документы на оплату, – совсем обнаглел я. – Айгиз погиб героем, защищая интересы нашего государства, и заслуживает памяти и потомков, и самого государства.

– Понятно, – глава бегло ознакомился с нашим «Планом мероприятий». – Хорошо. Я завтра попрошу мэра вашего посёлка выйти на фирму, в которой вы заказали мемориальную доску и оплатить расходы по её изготовлению. Сколько там нужно денег?

– Порядка пяти тысяч рублей.

Политик, стоявший у руля города и района почти двадцать лет, переживший на своём посту Андропова, Горбачёва и Ельцина, прекрасно понимал перспективу сотрудничества с молодыми и активными ветеранами, тем более для этого нужны были всего-то плёвые пять тысяч рублей. Он расписался в плане мероприятий.

– Отправьте ваш план по всем предприятиям посёлка, пусть все знают о таком важном событии, – предложил глава, снимая очки. – Сам я приехать не смогу, но присутствие своего заместителя и представителя военкомата – обеспечу. Довольны?

– Да, спасибо вам, до свидания.

– До свидания.

Мы покидали город радостными. Получилось!

Две недели, всеми правдами и неправдами, в рабочее и нерабочее время, мы с Бабаем готовились к мероприятию.

С начальниками цехов «перетёрли» мысль об освобождении ребят-ветеранов с работы на этот день «на после обеда». С заместителем начальника нефтегазодобывающего управления по социальным вопросам решили проблему с автобусом, трактором и музыкальной аппаратурой на озвучку. Договорились со спортивным залом, собрали команды и начали играть турнир. Прибравшись на кладбище, сходили к родителям погибшего. Обговорили детали сценария с директором Дома Культуры. Встретились с директором фирмы ритуальных услуг. Он под «честное слово» изготовил и отдал нам мемориальную доску, пожелал удачи и пообещал, что сам выбьет свои деньги у администрации.

В общем, к торжественному открытию мемориальной доски мы приготовили всё от нас зависящее. О чём и доложили на очередной встрече, где присутствовали мэр, его заместители, заместитель начальника нефтегазодобывающего управления и угрюмо промолчавшая всё совещание «фиолетовая женщина».

23 февраля 2001-го года. Раннее утро. Кэмэл, Лев и Саид, вооружившись лопатами, уехали на кладбище, проверить, не замело ли за ночь, открыта ли дорога, расчищенная бульдозером ночью. Руслан, заместитель директора предприятия, на котором Айгиз работал до армии, привёз на кладбище рабочих, они лопатами разгребли у обочины снег, организовали парковку, хорошо посуетились, помогли нам. Мемориальную доску Бабай поместил в железную окантовку, которую рабочие его цеха вмонтировали в стену дома между первым и вторым этажами. Мистер и я помогли подъехавшим звукооператорам установить и настроить аппаратуру, накрыли доску белым покрывалом, поставили тумбу под живые цветы.

К одиннадцати часам, как и планировали, у дома, где проживали родители Айгиза, собрались большинство местных ветеранов-«чеченцев»: семнадцать человек. Также подъехали разного рода начальники, заместитель военкома, мэр посёлка и «фиолетовая женщина» из администрации города и района. Школьников не было. Мэр, хоть накануне снова обещал нам «подогнать» школьников, сделал по-своему – наложил строжайший запрет на участие учащихся в мероприятии. Как мы узнали позже, он «опасался беспорядков из-за пьянства ветеранов». Видимо поэтому, целый взвод милиционеров окружил кольцом дом и перегородил проезжую часть. Людей, вместе с представителями сил правопорядка, набралось более ста человек. Нормально, сойдёт для сельской местности.

Первым речь толкнул мэр. Он, со скорбной миной на морде лица, сообщил, что проделывает огромную работу по увековечиванию памяти героев и регулярно помогает семьям погибших и умерших в разных войнах. Обещал поддержать любые патриотические мероприятия и поощрять активистов спорта и культуры. Обещал процветания посёлку, краю, улицам, и увеличения зарплаты бюджетникам. Обещал, обещал, обещал. Как обычно, болтал не по теме, преувеличивая и приукрашивая. Ну что же, у него работа такая – много говорить, мало делать! Никого не оскорбил – и то ему плюс!

Подполковник из военкомата говорил меньше и лучше. Он избежал командировок в «горячие точки», к молодым ветеранам относился сдержанно, с опаской, но держался по-свойски.

От молодёжи и ветеранов боевых действий выступил Бабай. Пять предложений, которые я подготовил для него накануне, он вызубрил досконально, и прочёл их наизусть.

Родители погибших поблагодарили всех, особенно мэра, за память, всплакнули.

«Фиолетовая женщина» не сказала ни слова. Она, крепко сжав тонкие бесцветные губы, стояла чуть поодаль, рядом с напыщенным начальником милиции.

Автобусы подоспели вовремя. Мы поехали на кладбище. Там тоже всё прошло согласно сценарию. Оттуда поехали на стадион.

В спортзале собрались зрители, ждали финала. Финал выдался классным, боевым, зрелищным. Мужики играли красиво, задиристо, мощно.

Финальный свисток. Награждение победителей, подарки и цветы родителям Айгиза, слова благодарности, фото на память и для будущих стендов.

Дело сделано!

В девять вечера, сидя на скамейке в раздевалке спортзала, я чувствовал необыкновенное удовлетворение от проделанной работы, радость за себя и за пацанов, за то, что мы сумели достичь поставленной цели.

Рядом, с кружкой водки в натруженных рабочих руках, улыбался Мистер. Вряд ли он вспоминал мэра, «фиолетовую женщину» и остальных участников противостояния «бюрократы против ветеранов», но точно думал о командирах и боевых товарищах, благодаря которым он из несмышлёного мальчишки вырос в зрелого, крепкого мужика.

Усман, прошедший и проползший чёртову Ичкерия вдоль и поперёк, участвовавший во всех мыслимых и немыслимых кавказских переделках, думал много, а говорил, по-обычному, мало. Говорил о погибшем в новогоднюю ночь взводном, которого очень уважал. О погибшем месяцем позже лучшим друге Сашке, которого очень любил. О сгоревшем в чёрную пыль весельчаке Толяне, который теперь часто снится по ночам и приглашает к себе в гости, в рай.

Усман говорил о чеченской чечётке, которая, однажды ворвавшись в нашу жизнь, планомерно выстукивает в ней свой смертоносный ритм, и уже никогда не отпустит.

Кэмэл пил молча. Большой и широкий десантник лишь раз за весь вечер выронил слово. «За любовь!» – ухнул он, залпом опустошая двухсотграммовый стакан водки.

Молчаливость Кэмэла объяснялась просто. Закрывая глаза, он вспоминал бой далёкого чеченского лета, где он, сам облепленный ватой и лейкопластырем, в жарком полубреду следил за перевязкой командира, легендарного полковника Шаманова, посечённого осколками мины в спину, плечи и руки. «Во, бляха-муха, ранили, бляха-муха!» – бубнил Шаманов. «Ранили!» – вторил ему Кэмэл.

Валера, яростный сторонник силового метода решения любых проблем, пил стоя. Клялся в верности молодой жене и мечтательно говорил о сыне, которого вырастит «в папу» и отправит служить в десантуру. Ещё Валера грозился настучать «по репе» дезертирам или откупившимся от армии, если им не посчастливится сейчас оказаться в спортзале.

Бабай, старшина по званию и складу ума, пёкся о еде и выпивке, чтобы всем хватило. Он наливал, разрезал, отламывал и накладывал. Командовал процессом, как привык командовать, будучи лучшим заместителем комвзвода бригады, окопавшейся на гребне сырого Терского хребта знойным летом 1995-го.

Мамонт откровенно грустил. Отсутствие вредных привычек заставляло его жевать чёрный хлеб и глотать невкусную минералку. Сыр, сосиски и копчёную колбасу ему, как непьющему, не выделяли. В ответ на голодный паёк, Мамонт закатил пылкий доклад о неладном состоянии желудка бойца, завалившего и зажарившего целую корову. Истекая слюной, он вспоминал разрушенный Гудермес, сочные шашлыки и травку, которую курили все, даже такой джентльмен, как сам Мамонт.

Лев, Рыжий, Элвис и остальные пацаны лопотали, шумели, отмечали День Защитника Отечества. Отмечали свой праздник. Праздник памяти о лучших днях своей жизни.

Уже на улице, перед тем как разойтись, Усман попросил заключительного слова. Ему сунули в руки бутылку. Хлебнув с горла, Усман поморщился, вздохнул свежего воздуха и выдал:

– Что наша жизнь, мужики? Это рождение и смерть. Это взлёты и падения. Это восходы и закаты. Это детский сад и школа. Это армия и война. Это свадьба и дети. Это встречи и рас-

ставания. Это мы с вами! Мы, по судьбам которых Чечня отплясалась чечёткой, оставив в душе каждого свой, непохожий ни на чей другой, отпечаток.

(2005 год, сентябрь)

НАС БОЛЬШЕ НЕТ

«5 августа: День Памяти погибших в Северо-Кавказском военном округе».

Не знаю, откуда к нам пришла эта дата и именно с такой формулировкой. Но, начиная с 2000-го года, отмечали мы её регулярно и с размахом, на который хватало наших скудных денежных средств.

Разъясню. В городах, районах и сёлах нашей необъятной Родины проживает немало ветеранов боевых действий на Северном Кавказе. Они служили стране во всевозможных армейских подразделениях или частях внутренних войск, сводных отрядах милиции или уголовно-исправительной системы. Они воевали разное количество дней в разные годы и в различных местах – населённых пунктах, горах, долинах, отдельно взятых клочках земли в виде блокпостов или контрольно-пропускных пунктов на трассе. На земле, в воздухе или на воде. Спецназовцы всех мастей, лётчики, танкисты, десантники, сотрудники уголовного розыска и патрульно-постовой службы. Подводники, оформленные в командировку как морпехи и диверсанты, приписанные к пехоте. Авианаводчики, ходившие на оперативно-поисковые мероприятия с разведчиками и специалисты противовоздушной обороны, приданные артиллеристам. Кадровики, тыловики, разведчики, связисты, секретчики, особисты и все остальные. Майоры, рядовые, капитаны и генералы. Кто-то из них в первый же день сорвал растяжку или попал под плотный обстрел и, окровавленный, убыл в госпиталь, а кто-то ни разу не видел боевиков ни живыми, ни мёртвыми, и не стрелял за всю полугодовую командировку. Кто-то прилетал в «горячий регион» на один день, а кто-то «отбарабанил» пять командировок по сорок пять суток. Кто-то спасал сослуживцев, вытаскивая их из огневого «мешка» террористов, кто-то сопровождал депутатские группы и кормил начальственные комиссии из всяческих штабов. У кого-то вся грудь в орденах, а у кого-то нет и юбилейного значка. Но ветеранское удостоверение у всех одинаковое, дающее право на одни и те же выплаты и льготы. И каждому ветерану памятна своя дата: день прибытия на войну либо день получения ранения, день выхода из окружения либо день гибели друга. А может, день знакомства с симпатичной медсестрой в госпитале или день, когда от души набил морду зазнавшемуся «шакалу».

День «5 августа» особенно памятен тем, кто воевал в августе 1996 года. Именно 5 августа боевики окружили и атаковали блокпосты, отделы милиции, комендатуры, административные здания и пункты временной дислокации российских подразделений в Грозном, начав самопровозглашённую операцию «Джихад». Одновременно с нападением на Грозный боевики легко блокировали малочисленные российские подразделения, расположенные в городах Гудермес и Аргун.

Жестокие бои в Грозном затянулись на две недели. Боеприпасы, медикаменты, запасы пищи и воды у осаждённых военных заканчивались. Наносить по боевикам удары с воздуха или бить их артиллерией из пригородов смысла не было, от таких бомбардировок могли погибнуть свои. А колонны бронетехники и грузовиков с необходимым, только попав на улицы Грозного, легко уничтожались боевиками из окон и с крыш домов. Генерал Пуликовский, возглавивший группировку войск в этот замечательный момент, видя скорый неприятный исход окружённых боевиками подчинённых, объявил противнику ультиматум и предложил мирным гражданам покинуть город. Пуликовский заявил, что готовится к полномасштабному повторному штурму чеченской столицы. Гражданские ему поверили и поспешили покинуть свои и без того разбитые дома. Однако, вместе с гражданскими, попрятав оружие и сменив одежду, город покинули и боевики. Так, к 20 августа контроль над Грозным был восстановлен. А кто-то из журналистов и военачальников объявил об очередной победе над боевиками. Цена такой «победы» неимоверно велика: более двух тысяч человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.